

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ

К. Гейдманъ-Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Сказаніе о лѣсномъ царѣ. Е. Геслингъ. — II. Вечера и ночи. (Стих.). А. Фета. — III. Побѣда въ Исландію. Ж-ни. — IV. На художественной выставкѣ. Т. Астраковой.

СКАЗАНИЕ О ЛѢСНОМЪ ЦАРѢ.

VIII.

Императоръ Карлъ Великій въ Ахенѣ.

ВДНАЖДЫ капитанъ сказалъ молодымъ людямъ, что императоръ Карлъ проѣхалъ черезъ Кельнъ въ Ахенъ, который избралъ своей резиденціей.

— Такъ и мы туда отправимся, воскликнулъ Ирмаль. Я хочу его видѣть; сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его встрѣтилъ въ первый разъ.

— Гдѣ могъ ты его встрѣтить? спросилъ капитанъ.

— Въ лѣсу, когда я жилъ еще у моихъ пріемныхъ родителей.

Ирмаль рассказалъ подробности своей встрѣчи съ императоромъ и показалъ ему кубокъ.

— Въ такомъ случаѣ, время терять нечего, отправляйтесь же завтра въ дорогу.

На слѣдующій день къ вечеру, Ирмаль и Эрихъ были уже въ Ахенѣ, утромъ они пошли осматривать городъ, и когда стояли у колодца, на большой площади, то увидѣли, что изъ воротъ дворца выѣхалъ императоръ, окруженный свитою. Едва онъ поровнялся съ молодыми людьми, какъ замѣтилъ у одного изъ нихъ въ рукахъ прекрасный кубокъ.

— Ты не боишься показывать на улицахъ такую дорогую вещь? спросилъ императоръ.

— Нисколько, отвѣчалъ Ирмаль; я только что выпилъ изъ этого кубка свѣжую воду, за здоровье вашего величества.

— Покажи-ка мнѣ кубокъ, сказалъ Карлъ, и разсмотрѣвъ его внимательно, прибавилъ: какъ онъ попалъ къ тебѣ?

Ирмаль напомнилъ императору о Гейльбруннѣ.

— Чѣмъ ты теперь занимаешься? спросилъ государь.

— Вотъ уже четыре года, что я служу на одномъ купеческомъ кораблѣ, и море мнѣ знакомо какъ мои пять пальцевъ.

— Стало быть ты пришелъ напомнить мнѣ мое общаніе, сказалъ Карлъ, смѣясь. Ахъ, хитрая лисица! Хорошо, отправляйся въ Гамбургъ, въ морское начальство, покажи тамъ кубокъ и скажи, что ты явился отъ моего имени. Я обо всемъ распоряжусь прежде твоего пріѣзда туда.

Ирмаль подошелъ еще ближе къ императору и сказалъ, указывая на Эриха:

— Государь, это мой другъ Эрихъ, дозвоьте мнѣ взять съ собою этого молодца; въ теченіи четырехъ лѣтъ онъ мнѣ вѣрный и неразлучный другъ.

Карль посмотрѣлъ на Эриха тѣмъ взглядомъ, которымъ сразу узнавалъ человѣка.

— Хорошо, сказалъ онъ, если Эрихъ такъ же честенъ и правдивъ какъ и ты, то получить мѣсто подъ твоей командой, пока не заслужить моего довѣрія.

Императоръ кивнулъ головой Ирмалю и ускакалъ.

— Однако, Ирмаль, ты пресчастливый, сказалъ Эрихъ, какъ государь благоволитъ къ тебѣ.

Возвратившись въ Кельнъ, друзья рассказали капитану обо всемъ, что съ ними случилось въ Ахенѣ, и хотя ему очень не хотѣлось разстаться съ ними, но будучи увѣренъ, что счастье ихъ зависитъ отъ этой разлуки, скрѣпя сердце, отпустилъ ихъ.

Въ Гамбургѣ ощущалась великая дѣятельность. Пристань была завалена тюками отправляемыхъ и принимаемыхъ товаровъ; корабли занимали все устье Эльбы; мачты возвышались на подобіе движущагося лѣса. Осмотрѣвъ пристань, Ирмаль и Эрихъ отправились по начальству, которое уже было увѣдомлено о прибытіи ихъ. Ирмалю былъ показанъ корабль, который, по повелѣнію государя, назначался въ его распоряженіе. Съ мельчайшими подробностями осмотрѣлъ Ирмаль судно, его снасти, припасы, и познакомился съ экипажемъ. Онъ дѣлалъ весьма толковыя замѣчанія, велѣлъ гдѣ что убавить, гдѣ что прибавить, и удивилъ знаніемъ дѣла старыхъ и опытныхъ моряковъ; молодые же моряки смотрѣли на него съ завистью. Ирмаль распорядился, чтобы каждый изъ экипажа былъ снабженъ лукомъ и стрѣлами, и потребовалъ метательные снаряды.

— Какъ же мы назовемъ нашъ корабль? спросилъ Эрихъ.

— „Дочь лѣснаго царя“, отвѣчалъ Ирмаль.

Такъ корабль Ирмая и назвали.

Когда всѣ приготовленія были окончены, натянули паруса, подняли императорскій флагъ, и корабль плавно вышелъ изъ гавани.

IX.

Встрѣча съ корсарами и побѣда надъ ними.

Уже много дней плыла въ открымъ морѣ „Дочь лѣснаго царя“, не встрѣтивъ ни одного разбойничьяго судна.

— Мы слишкомъ уплыли въ море, я полагаю намъ лучше держаться береговъ, сказалъ однажды Эрихъ!

— Ты правъ, отвѣчалъ Ирмаль, такъ будемъ держаться британскаго берега.

Завидѣвъ островъ, онъ велѣлъ плыть къ нему, чтобы за-
пасться, если возможно, свѣжей водой и провизіей. Поручивъ
это дѣло Эриху, велѣлъ спустить шлюпку и отправился на
берегъ, узнать, что за люди живутъ на островѣ. Онъ на-
шелъ хорошую растительность, невольно вспомнилъ Нек-
каръ и его лѣса, и пошелъ вглубь; острова. Группа де-
реьевъ заманила его подъ свои вѣтви, послѣ долгаго пла-
ванія, ему захотѣлось полежать на травѣ; едва онъ на ней
растянулся, какъ услышалъ голосъ лѣснаго царя.

— И ты тутъ, старина? А гдѣ же твои дочери? спро-
силъ удивленный Ирмаль.

— Въ глубинѣ озера.

— Ну, такъ прощай!

— Нѣтъ, не прощай, а до свиданія, мы скоро съ тобой
увидимся.

Ирмаль возвратился на корабль. На разсвѣтѣ слѣдую-
щаго дня онъ примѣтилъ два разбойничьи корабля. Тѣ должно
быть тоже замѣтили плывшій на встрѣчу имъ корабль и на-
правились прямо на него съ тѣмъ, чтобы напасть съ обѣихъ
сторонъ. Вскорѣ завязалась кровавая битва, во время ко-
торой Ирмаль едва не погибъ. Но благодаря ловкости и про-
ворству, съ которыми его матросы пускали въ непріятелей
стрѣлы, а главное благодаря метательному снаряду, Ирмаль
въ нѣсколько часовъ овладѣлъ кораблемъ корсара; корабль

этотъ сверху до низу былъ нагруженъ разными товарами. Ирмаль раздѣлилъ добычу между экипажемъ; все же, что на- шель драгоцѣннаго, назначилъ передать императору. Кор- сара онъ взялъ на свой корабль военно-плѣннымъ; Эриху препоручилъ командованіе „Аріадной“, такъ звали судно кор- сара, но опасаясь оставить его одного между разбойниками, взялъ часть ихъ себѣ, а ему отдалъ часть своего экипажа. Корсаръ былъ раненъ. Во время своего выздоровленія, онъ разсказалъ Ирмалю всю свою жизнь и горько сожалѣлъ о сдѣланныхъ имъ преступленіяхъ.

— Послушай Свендъ, такъ звали корсара, сказалъ ему однажды Ирмаль, дай честное слово, что ты не станешь больше раззорять города и селенія моего государя великаго Карла, не будешь убивать невинныхъ людей, бросишь свое ремесло, и я высажу тебя на любой берегъ.

Свендъ повалился ему въ ноги, произнесъ клятву, и Ир- маль посадилъ его на одинъ изъ Скандинавскихъ острововъ.

Во время перехода черезъ Каттегатъ поднялась сильная буря, волны бросали корабли во все стороны, дождь лилъ ливня двое сутокъ, черныя тучи заволакивали небо до того, что зги было не видно. Ирмаль потерялъ изъ виду корабль Эриха и сбился съ пути, а такъ какъ Каттегатъ окруженъ высокими скалами, и полонъ подводными камнями, то пла- ваніе въ этой мѣстности опасно. Къ разсвѣту третьяго дня, буря стала утихать и Ирмаль направилъ корабль въ от- крывшуюся передъ ними бухту. Подъѣзжая къ берегу, онъ замѣтилъ тамъ сильное движеніе и шесть судовъ, которыя призналъ за суда корсаровъ. Едва онъ вошелъ въ бухту, какъ на него посыпались стрѣлы и камни, и завязался кровавый бой. „Дочери лѣснаго царя“ угрожала гибель. Нѣ- сколько человѣкъ было убито, многіе ранены. Ирмаль сра- жался какъ левъ, экипажъ не уступалъ ему въ храбрости, но корсаровъ было больше, и побѣда клонилась на ихъ сто- рону. Вдругъ показался другой корабль. Ирмаль узналъ „Аріадну“. Онъ не плылъ, а летѣлъ какъ птица; черезъ нѣ-

сколько минутъ Эрихъ съ яростію устремился на корсаровъ и палуба шести нормандскихъ судовъ покрылась убитыми.

— Миръ, миръ! закричалъ одинъ изъ начальниковъ корсаровъ.

— Сдавайтесь, или клянусь именемъ императора, не останется никого въ живыхъ.

— Покоряемся императору Карлу, отвѣчали норманы. Вечеромъ того же дня, восемь кораблей дружно поплыли по направленію Гамбурга. Ирмаль и Эрихъ не вѣрили своему счастью; они вели семь нормандскихъ кораблей, 245 человѣкъ плѣнныхъ и нѣсколько сотъ тюковъ. Ночь была тихая, свѣтлая. Ирмаль и Эрихъ сидѣли за бутылкой хорошаго вина въ каютѣ „Дочери лѣснаго царя“ и вели дружескую бесѣду. Эрихъ рассказывалъ какъ онъ попалъ на одинъ пустынный островъ, нашелъ тамъ одичавшаго человѣка, которому оставилъ плотническія и земледѣльческія орудія и разныхъ сѣмянъ на посѣвъ.

Х.

Возвращеніе.

Восемь кораблей плыли къ нѣмецкимъ берегамъ; недостатокъ провизіи заставилъ Ирмалю пристать къ одному острову, куда онъ вышелъ съ нѣсколькими матросами. Захвативъ съ собою лукъ и стрѣлы, онъ углубился въ лѣсъ, но едва вошелъ въ него, какъ услышалъ знакомый голосъ лѣснаго царя, лѣсной царь громко стоналъ.

— О чемъ ты плачешь и стонешь? спросилъ его съ участіемъ Ирмаль.

— Ахъ, воскресное дитя, отвѣчалъ лѣсной царь, я лишился дочери Гильфы и племянницы Ульфрумъ.

— Гдѣ же онѣ?

— Онѣ исчезли, и только ты можешь ихъ отыскать съ помощью твоего волшебнаго кольца.

— Развѣ мое кольцо волшебное?

— А ты этого не зналъ? Вѣдь это талисманъ.

— Какъ же я могу испытать его дѣйствіе?

— Когда ты надѣнешь его на палецъ, то при всякой опасности, оно будетъ жать тебѣ палецъ. Дай мнѣ слово отыскать Гильфу и Ульфрумъ въ первый разъ, что отправишься въ новое плаваніе.

— Хорошо, обещаю найти ихъ.

Лѣсной царь пошелъ къ берегу, бросился въ воду, и на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ нырнулъ, всплыла огромная щука. Ирмалю очень занимало его кольцо, о которомъ онъ чуть было не позабылъ, и рѣшилъ взять его отъ лѣсничаго, какъ только будетъ на Неккарѣ. Въ Гамбургѣ Ирмалю ставши на якорь препоручилъ корабли Эриху, а самъ отправился отдать отчетъ императору, который находился въ этомъ городѣ. Вдоль гавани онъ увидѣлъ императора ѣхавшаго со свитою верхомъ. Ирмалю подошелъ къ нему и, преклонивъ колѣно, сказалъ:

— Государь, я имѣлъ счастье исполнить ваше порученіе.

— Какое? и кто ты?

— Я тотъ мальчикъ изъ Гейльбрунна, которому ваше величество подарили кубокъ, а въ прошломъ году, вы поручили корабль съ тѣмъ, чтобы я очистилъ берега вашего государства отъ нормандскихъ корсаровъ. Берега свободны, государь, и вотъ на якорѣ стоятъ семь нормандскихъ судовъ, нагруженные богатою добычей, которую я считаю за счастье передать вашему величеству.

— Какъ, эти семь кораблей ты взялъ въ плѣнъ? И все это сдѣлалъ одинъ?

— Не одинъ, государь, мнѣ помогать мой товарищъ Эрихъ и матросы, ввѣренные моему начальству, всѣ они оказались честными, храбрыми людьми.

Императоръ щедро наградилъ Ирмалю и Эриха, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ плѣнныхъ судовъ, и сказалъ ему:

— Я тебѣ даю годъ на отдыхъ, ты заслужилъ его, а

весною будущаго года явись ко мнѣ послѣ равноденствія, я дамъ тебѣ новое назначеніе. Теперь ступай на всѣ четыре стороны, и если увидишь лѣсничаго Гарроля, кланяйся ему отъ меня.

XI.

Годъ свободы.

Позднею осенью пустились друзья въ путь на родину. Въ Кельнѣ они посѣтили стараго своего капитана, который не нарадовался ихъ счастью; пробывъ у него три дня, они купили себѣ по хорошей лошади и поѣхали къ долиנѣ Неккара.

Ирмаль пробылъ нѣсколько дней у родителей Эриха и спѣшилъ къ лѣсничему. Онъ пріѣхалъ въ лѣсъ подѣ вечеръ, и издали увидѣлъ Гарроля и Гильку, хлопотавшихъ около великолѣпнаго убитаго кабана. Подѣхавъ быстро, онъ весело крикнулъ:

— Здравствуй, отецъ Гарроль!

Лѣсничій приподнялъ картузь и почтительно отвѣчалъ.

— Добро пожаловать, господинъ всадникъ.

— Э, да у тебя видно глаза-то стали слабы, не узнаешь своего пріемыша Ирмая.

— Что? Ирмаль? Да развѣ такой важный всадникъ можетъ быть Ирмалемъ?

Когда все объяснилось, и Гарроль призналъ Ирмая, то объятіямъ, поцѣлуямъ, распросамъ и конца не было.

— Однако соловья баснями не кормятъ, сказалъ старикъ, возьми-ка жена вотъ эту часть кабана да приготовь намъ ужинъ на славу.

И вотъ Ирмаль опять очутился въ своей каморкѣ, гдѣ вскорѣ и заснулъ глубокимъ сномъ. На слѣдующее утро онъ принялся за прежнюю работу, какъ будто никогда и не покидалъ дома лѣсничаго, только теперь онъ уже безъ страха проходилъ по дребезжащимъ ступенямъ лѣстницы, не боясь, что ему

ночью не позволять идти въ лѣсъ. Ирмаль далъ своимъ старикамъ столько денегъ, что у нихъ явилось изобиліе. За обѣдомъ и ужиномъ старики заставляли Ирмалю рассказывать о его плаваніяхъ и походахъ, и онъ рассказывалъ до тѣхъ поръ, пока они не выучили ихъ наизусть. Такъ прошелъ годъ; настала весна, Ирмаль собрался въ обратный путь. Много плакали Гарроль и Гилька, но дѣлать нечего, надо было разстаться, чтобы явиться въ назначенное время къ императору. При прощаніи Ирмаль не забылъ взять съ собою кольцо, о которомъ ему еще разъ напомнилъ лѣсной царь. По пути онъ заѣхалъ въ хижину къ рыбаку за Эрихомъ и оба друга отправились въ Ахень.

ХІІ.

Новое назначеніе.

Пріѣхавъ въ Ахень, Ирмаль пошелъ прямо во дворецъ. Императоръ принялъ его очень милостиво, похвалилъ за точность, и сказалъ ему:

— Бери себѣ „Дочь лѣснаго царя“, выбери любой корабль Эриху и плыви на сѣверъ. Тамъ далеко въ невѣдомой странѣ находится обширное царство Тулійскаго короля; кто онъ—я не знаю, да и никто ничего о немъ вѣрнаго не знаетъ. Извѣстно только, что царство его гдѣ-то на дальнемъ сѣверѣ, о немъ же самомъ ходятъ баснословные слухи. Тебѣ я поручаю провѣдать объ этомъ сказочномъ королѣ все подробности. Не теряй времени, пользуйся лѣтними мѣсяцами, путь твой далекъ и не безопасенъ. Ты получишь вдоволь и денегъ, и припасовъ, и людей, и оружія. Поѣзжай съ Богомъ! Черезъ двѣ недѣли „Дочь лѣснаго царя“ и „Ариадна“ вышли изъ гамбургской гавани; черезъ четыре дня они приближались къ пустынному острову, на которомъ Эрихъ нашелъ одичавшаго корсара; ему захотѣлось посмотреть, какъ онъ устроился, и направилъ къ нему свою „Ариадну“.

Онъ былъ пріятно удивленъ, увидя вмѣсто землянки хижину, вокругъ нее заборъ, и даже что-то въ родѣ хлѣва, гдѣ отдыхали овцы и козы. Одичавшій не скоро узналъ Эриха, узнавъ же, съ торжествомъ показать ему всѣ удобства своего жилища. У него была чистая комната, съ маленькими окнами, стекольные рамы замѣняли рѣшечтатые ставни, на плитѣ стоялъ глиняный горшокъ, а въ немъ варилась баранина. Эрихъ пробылъ у дикаря весь день, уговаривалъ его бросить дикую жизнь и возвратиться къ жизни общественной. Сначала дикарь и слышать не хотѣлъ, думая, что этой жизнью искупаетъ свои вины.

— Ахъ, господинъ капитанъ, говорилъ онъ, я былъ не только что корсаромъ, но и дурнымъ сыномъ, я убѣжалъ отъ родителей, сталъ грабить, разбогатѣлъ, женился на прелестной дѣвушкѣ, и у насъ родился сынъ прекрасный мальчикъ. Въ послѣдній разъ, что я разстался съ ними, страшная буря разбила мой корабль и онъ со всѣми богатствами и людьми пошелъ ко дну, а я былъ выброшенъ на этотъ островъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь.

— Все таки тебѣ лучше возвратиться къ людямъ; ты можешь отыскать жену и сына, и быть имъ полезенъ; право поѣдемъ со мной, говорилъ Эрихъ.

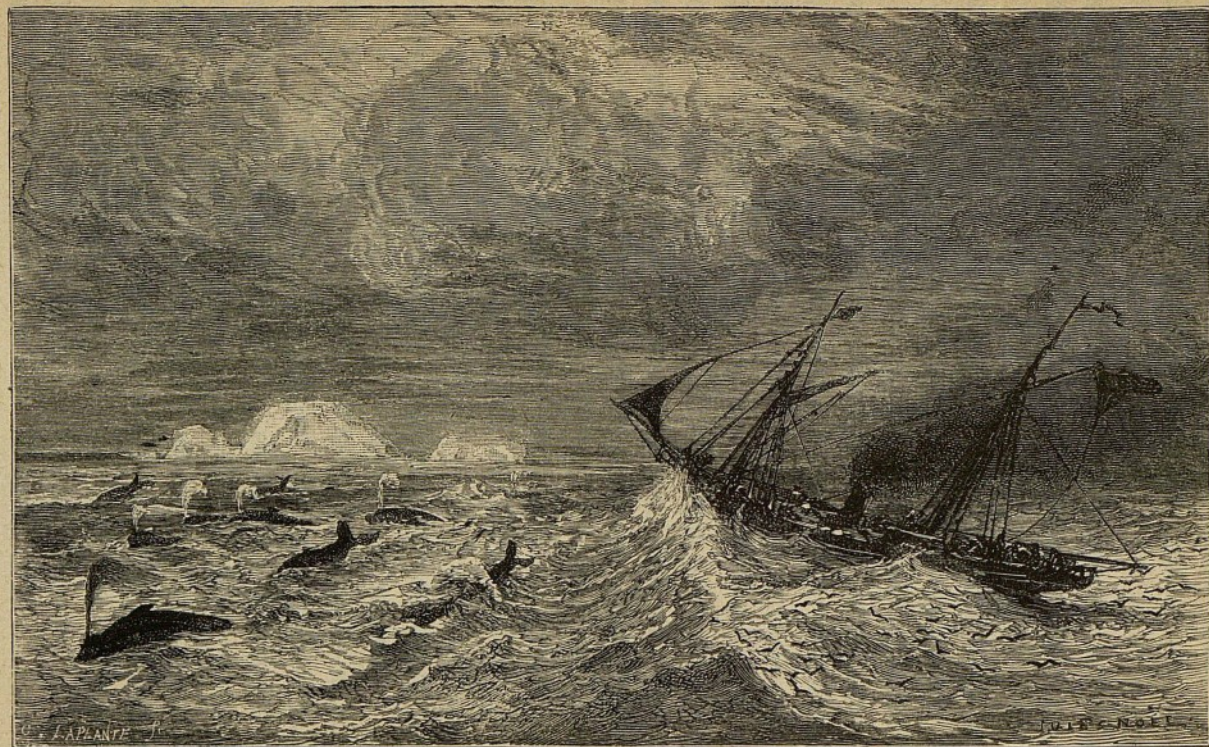
Дикарь сдался на его убѣжденія и отправился на „Ариадну“.

XIII

Фингалова пещера, киты, льдины.

Между тѣмъ, какъ Эрихъ ѣздилъ за дикаремъ на островъ, Ирмаль далеко уплылъ въ море. Провизія у нихъ истощалась и матросы начинали роптать; къ несчастію не показывалось и рыбы; буря отогнала ее въ глубь; Ирмаль тревожился не на шутку, но вотъ однажды на разсвѣтѣ, одинъ матросъ, закинувъ ведро въ воду, поймалъ множество мел-

К И Т Ы.

кой рыбы; цѣлую недѣлю экипажъ питался ею, затѣмъ она исчезла; Ирмаль велѣлъ держать штурману на сѣверъ, но въ ту же минуту почувствовалъ, что кольцо сильно сжало ему палець.

— Что бы это значило? думалъ Ирмаль. Я вѣрно держу на сѣверъ; вотъ мы обогнули послѣдній мысъ Британскихъ острововъ.

Но кольцо сжимало ему палець до крови, и Ирмаль повернулъ корабль къ сѣверо-западу. Сжатіе прекратилось.

— Земля! вскричалъ одинъ изъ матросовъ.

Дѣйствительно, вдали открылась группа большихъ острововъ. Обогнувъ одинъ изъ нихъ, мореплаватели замѣтили пещеру изъ базальтовыхъ и сталактитовыхъ столбовъ. Посреди пещеры блестяло небольшое озеро, въ озерѣ отражались всѣ цвѣта базальта и порфира. Зрѣлище было великолѣпное. Изъ пещеры неслаась дивная музыка, съ аккомпаниментомъ мелодическаго женскаго голоса. Въ пѣснѣ упоминались имена Гильфы и Ульфрумъ.

— Если ты, Гильфа, дочь лѣснаго царя, крикнулъ Ирмаль невидимой пѣвицѣ, то выйди ко мнѣ, я возвращу тебя на родину.

Въ то же мгновеніе изъ пещеры показалась прекрасная дѣвушка и сказала:

— Да, я—Гильфа.

— Какъ же ты попала сюда?

— Однажды я играла на моховомъ болотѣ съ сестрами, въ долину Неккара, отвѣчала она, какъ вдругъ прилетѣлъ царь тумана, обнялъ меня и Ульфрумъ и помчался съ нами далеко-далеко на сѣверъ. Меня онъ забросилъ въ эту Фингалову пещеру и сказалъ, чтобы я дожидалась пріѣзда „воскреснаго дитяти“, теперь я знаю, что это ты; куда бы ты не плылъ, я послѣдую за тобою. Что же стало съ Ульфрумъ,—я не знаю.

Ирмаль взялъ Гильфу на свой корабль и велѣлъ всему экипажу оказывать ей величайшее уваженіе, какъ царской

дочери; затѣмъ продолжалъ свой путь. Когда острова скрылись изъ вида, они были поражены неожиданнымъ явленіемъ; предъ ними двигались какія-то громадныя, черныя массы, изъ которыхъ били водяные фонтаны. Ни Ирмаль, ни матросы никогда ничего подобнаго не видали, экипажъ сталъ упрашивать Ирмалю удалиться отъ этихъ невѣдомыхъ чудовищъ; Ирмаль, напротивъ того, велѣлъ штурману вѣхаться въ самую ихъ середину. Чудовища зашевелились и море взволновалось какъ бы во время бури. Ирмаль приказалъ бросать въ нихъ стрѣлы и гарпуны, и вотъ одно изъ чудовищъ перевернулось и погрузилось въ воду, оставивъ слѣды крови; затѣмъ всплыло снова, но было уже недвижимо. Ирмаль велѣлъ спустить шлюпку и поѣхалъ къ чудовищу, надѣясь получить огромный запасъ мяса. Открывъ громадную пасть, они увидѣли, что у него вмѣсто зубовъ костяныя пластинки въ нѣсколько рядовъ.

— Это киты! вскричалъ Ирмаль; мясо ихъ невкусно, но мы запасемся жиромъ и этими пластинками; ихъ называютъ „китовымъ усомъ“: то и другое дорого цѣнится въ торговлѣ.

Полторы недѣли провозились они около кита, питаясь моллюсками и мелкими рыбками, всегда сопровождающими китовъ во время ихъ плаванія. Едва окончилась встрѣча съ китами, какъ мореплаватели увидѣли необъятную массу льда, которая неслась съ неимоверной быстротой и, озаренная лучами солнца, блестѣла какъ кристаллъ; вершины ея были унижены пингвинами и гагами, изъ которыхъ имъ удалось многихъ подстрѣлить; они также убили трехъ бѣлыхъ медвѣдей, расположившихся на ледяномъ, плывущемъ островѣ. Ирмаль убѣдился, что зашелъ далеко на сѣверъ; но кольцо не давало о себѣ знать, и онъ рѣшился плыть далѣе, по тому же направленію.

Е. Геслингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

ДАЛИ огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.
Никто мнѣ не скажетъ: „куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?“
Шевелись же, весло, шевелися—
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да что-же? Зачѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья, и лодки,

И весла, и огни за рѣкой?

Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу
Такъ,—забываясь,
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей,
Да смотрѣть, много ль отѣхалъ,
И много ль осталось,
Да не видать ли зарницы...
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно..
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною,

Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ
И садится съ размаха
На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса
Ростеть, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднюю ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Серебритъ и волны и листья...
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче...
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что это—жизнь, или сонъ:
Счастливъ я, или только обмануть?
Нѣтъ отвѣта...
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

Я жду... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ брильянтахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки
Я жду... Темносинее небо
И въ мелкихъ и крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатила на западъ...
Прости золотая, прости.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.

А небо? а мѣсяцъ?
О, этотъ мѣсяцъ волшебникъ,
Какъ будто бы кровли
Покрѣты зеркальнымъ стекломъ...
Шили и кресты—брильянты;
А тамъ за луной небосклонъ
Чѣмъ дальше—свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь—и дышешь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Иль пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды,
Свѣтель какъ призракъ;
Голову клонить, а жаль отъ окна оторваться!

А. Фетъ.

ПОѢЗДКА ВЪ ИСЛАНДІЮ.

БИСТРО несется парохоть, огибаетъ западные берега Шотландіи, романтичные пейзажи которой напоминаютъ прелестныя безсмертныя произведенія Вальтеръ-Скотта. Вскорѣ открылись острова Фарерскіе; они со всѣхъ сторонъ окружены теплыми водами гольфштрема, поэтому и зимой на нихъ не бываетъ холода.

Позади главнаго города этихъ острововъ— Торсхавела поднимается гора, съ высоты которой взоръ обнимаетъ весь архипелагъ и сбѣгаетъ спускъ въ глубокую долину птицъ. Долина эта настоящій птичникъ. Какъ только выстрѣлъ прокатится по ущеліямъ горъ, тысячи птицъ поднимаются въ воздухъ, испуская пронзительныя крики, тутъ и золотистыя ржанки, и куропатки, и морскія ласточки, и утки и множество другихъ пернатыхъ.

Прежде чѣмъ выйти въ открытое море, парохоть плыветъ вдоль горъ сильно размытыхъ водою. Нельзя себѣ представить эти сѣверныя моря, когда полярный вѣтеръ вздымаетъ ихъ темныя волны. Подъ вѣчно мрачнымъ небомъ ничего невидно кромѣ громадныхъ валовъ, мрачныхъ какъ и самое небо. Приближаясь къ землѣ, море становится спокойнѣе и не

такъ грозно. Со всеѣхъ сторонъ натаиваютъ появляться фонтаны, они высоко бьютъ вверхъ и разсыпаются брызгами, оставляя въ воздухѣ бѣловатый паръ. Фонтаны эти представляютъ восхитительную картину, когда сквозь облака пробьется солнце и его лучи, отливая въ брызгахъ всеми цвѣтами радуги и длинными полосами подергиваютъ поверхность моря. Въ этихъ свѣтящихся полосахъ особенно любятъ держаться киты, они-то выбрасывая струи воды, и производятъ эти фонтаны.

Наконецъ показывается Исландія. Съ правой стороны ея, вдоль береговъ открывается множество одиноко стоящихъ кратеровъ, а за ними, вдали, снѣжная вершина Геклы. Налѣво остаются острова Вестманъ, что значитъ западный чело-вѣкъ, это названіе напоминаетъ легенду, въ которой говорится какъ въ Исландіи утвердилось норвежская колонизація. Вѣрно то, что Исландія въ девятомъ вѣкѣ была населена норвежцами. Когда въ Норвегіи, въ царствованіе королей Гаральдовъ, стали притѣснять народъ, то множество народа переселилось въ Исландію, и населеніе ея быстро росло. Въ продолженіи многихъ поколѣній, эти переселенцы не имѣли никакихъ сношеній съ иностранцами, поэтому среди ихъ встрѣчается еще и теперь слѣдъ патріархальнаго быта и цивилизація временъ древнихъ морскихъ королей. Христіанство имѣло сильное вліяніе не только что на нравы жителей Исландіи, но и на почву и на климатъ.

Спокойно вступаетъ пароходъ въ Факсфіордъ или Рейкьяквикскій заливъ. Съ его восточной стороны цѣль острововъ образуетъ Рейнъяквикскій портъ, въ которомъ трудно отличить дома отъ судовъ, они какъ бы перемѣшаны между собою. На тихихъ водахъ этой пристани развѣваются флаги, большей частію датскіе и испанскіе. Съ одной стороны залива возвышается гора Агатовая, породы кварцевъ и полеваго, шпата, а по сторонамъ темныя скалы съ застывшими ледяными жилами спускаются въ глубокія долины поросшія густой травой, осыпанной цвѣтами, большей частью желтыми

колокольчиками и бѣлыми маргаритками. Изъ числа острововъ, образующихъ этотъ портъ, больше всѣхъ извѣстенъ островъ Эйдеръ, на немъ между двумя возвышенностями виднѣется главный городъ Исландіи Рейкьявикъ съ вѣтряными мельницами по обѣимъ сторонамъ. Въ центрѣ города стоитъ каменная церковь и домъ губернатора на склонѣ горы, остальные зданія деревянные, домики въ одинъ этажъ, съ деревянными кровлями, и торговые заведенія. Исландцы насчитываютъ въ своей столицѣ до тысячи жителей. Все населеніе состоитъ большей частію изъ датскихъ негоціантовъ, чиновниковъ, учителей и офицеровъ французскаго флота. Дамы одѣваются прекрасно и по модѣ, говорятъ по-французски какъ парижанки, играютъ на фортепьяно. Часто составляются вечера, обѣды, кавалькады и очень милые балы.

Изъ Рейкьявика путешественники отправляются смотрѣть Гейзеръ. Дорогъ до Гейзера нѣтъ никакихъ, при началѣ еще имѣются кой-какіе слѣды, но и тѣ вскорѣ исчезаютъ, — руководятся компасомъ. Единственный способъ путешествовать — верхомъ на исландскихъ лошадяхъ. Эти маленькія животныя необыкновенно умны, и имѣютъ такой вѣрный шагъ, что, поднимаясь на высоты или спускаясь съ крутизны, никогда не споткнутся. Отправляясь въ этотъ дальній путь, необходимо брать десять лошадей и проводниковъ. Первые три лошади назначаются подъ багажъ, одна везетъ палатку, двѣ — съѣстные запасы, которыми запасаются на сорокъ дней, двѣ лошади верховыя подъ путешественника и проводника, три остальные запасныя. Такъ какъ лошади бываютъ куплены въ различныхъ мѣстахъ и не знаютъ другъ друга, то въ началѣ путешествія ихъ связываютъ хвостами одну съ другой, и развязываютъ когда выйдутъ изъ жилыхъ мѣстъ, тогда лошади тянутся гуськомъ.

Пока лошади связаны, ѣдутъ тихо, но какъ только ихъ развяжутъ, такъ онѣ и понесутся вскачь, — рытвины, кочки, имъ ни почемъ. Спускаясь въ долины, по которымъ вездѣ текутъ рѣчки, вмѣсто того, чтобы огибать рѣчки лошади,

врѣзываются въ средину волнъ и скачутъ по нимъ какъ бы по большой дорогѣ, обдавая пѣной и брызгами пассажировъ.

Д
Ю
Н
Ы.

Временами путешественникамъ попадаютъ караваны изъ туземныхъ деревень, идущіе въ столицу. Исландцы не при-

хотливы и довольствуются по пути самой простой закуской въ боерѣ *) *bourg*. Послѣ пустынной дороги открывается обширная равнина Таньвалло, посреди этой равнины какъ голубая скатерь развертывается озеро и близъ него церковь, все это отражается въ свѣтлой, прозрачной водѣ. Въ этой равнинѣ находится знаменитая трещина — Алмангя. Тутъ лошади спускаются въ глубокій провалъ, который, говорятъ, образовался еще во времена до-историческія потокомъ лавы, вылившимся изъ трещины отъ землетрясенія. На днѣ этого провала идетъ между двумя параллельными стѣнами широкая галлерей. Лава расколовшись на двое, по странной игрѣ природы, приняла самыя фантастическія формы. По этимъ боковымъ стѣнамъ видны будто выточенные стрѣльчатые окна, роскошные балконы, башни, будки, колокольни, — словомъ, все принадлежности бывшія въ употребленіи на украшеніяхъ въ среднихъ вѣкахъ. Проѣзжая цѣлую милю по такой густой травѣ поросшей въ галлерей, что она заглушаетъ шумъ даже конскихъ копытъ, чудится что въѣзжаешь въ одну изъ великолѣпныхъ улицъ древней крѣпости. Невольно взоръ отыскиваетъ часовыхъ, которые должны стоять на часахъ у будокъ и на башняхъ; такъ и ожидается, что на балконахъ появятся благородные владѣтели и владѣтельницы этихъ феодальныхъ жилищъ, прислушиваешься не раздастся ли гдѣ звукъ роговъ, и видишь на башняхъ только пеликановъ съ огромными крыльями, а на балконахъ — стаи черныхъ вороновъ, да среди вѣчнаго безмолвія, временами слышится жалобное пѣніе ржанки, качающейся въ вѣтвяхъ. Изъ этого провала черезъ трещину въѣзжаешь прямо къ небольшой церкви. Церкви въ Исландіи строятся просто изъ досокъ, четырехугольныя и все на одинъ ладъ — съ маленькими четырехугольными окнами выкрашенными, какъ и двери, въ бѣлую краску. Надъ дверями у иныхъ висятъ колокольни. Приближаясь къ долиנѣ Гейзера, послѣ

---

*) Селенье.

узкихъ, темныхъ ущелій, взоръ отдыхаетъ на безпредѣльномъ зеленомъ лугу ограниченномъ съ юго-востока и запада рѣками Бруарай и Гвитой, а съ сѣвера—высокою стѣною горъ. По лугу мелькають тамъ и сямъ озера, въ двухъ главныхъ изъ этихъ озеръ крестились первые христіане Исландіи. Высокіе столбы бѣлаго пара поднимаются въ равнинѣ—признакъ близости горячихъ ключей; кипящія воды ихъ, сливаясь съ водами озеръ, дымятъ на шестьдесятъ сажень. Знаменитый Бруарскій водопадъ возвѣщаетъ издалека о своей близости грознымъ шумомъ.

Бруара въ этомъ мѣстѣ течетъ тихо по руслу изъ лавы, по срединѣ рѣки лава дала трещину и втягиваетъ въ себя бурчащія волны. Черезъ эту бездну перекинута доска. Лошади довѣрчиво переходятъ такими мостоми. Съ середины моста горизонтъ скрывается за горами кратера и за снѣжными вершинами.

Дальше болотистая дорога ведетъ къ селенію, тутъ берется опытный провожатый на Гейзеръ.

Вотъ и Гейзеръ. Надъ нимъ стоитъ туманъ изъ густыхъ, тяжелыхъ паровъ. Запахъ протухлаго яица наполняетъ всю атмосферу, и слышится страшное клокотаніе воды.

Тутъ отлично можно напиться кофею, кипятокъ готовъ. Здѣсь путешественники раскидываютъ свою палатку и отдыхаютъ до утра.

Временами слышатся взрывы, клокотанье воды, подземные удары, временами дрожить земля—надъ всѣмъ поднимается безпросвѣтный бѣлый паръ.

Въ большомъ Гейзерѣ конусъ имѣетъ въ окружности восемьдесятъ метровъ, на вершинѣ конуса—углубленіе. Идущей къ центру земли. Аршинахъ въ пятидесяти отъ Гейзера виднѣн Строккуръ; кратеръ источника въ уровень съ землей, что придаетъ ему ужасающій видъ—вода кипитъ какъ въ котлѣ и бѣда тому, что упадетъ въ него. Когда въ кратеръ попадаетъ постороннее тѣло, кипѣнье прекращается на нѣ-

сколько минутъ, кратеръ будто сбирается съ силами; за этимъ затишьемъ слѣдуетъ нѣсколько бурныхъ движеній и изверженіе начинается. Надъ поверхностью воды поднимается паръ, бьетъ вода опадаетъ и снова поднимается, но уже гораздо выше. Изверженіе продолжается около получаса.

Изверженія большаго Гейзера похожи на изверженія Строккура, только въ большихъ размѣрахъ и вода его необыкновенно прозрачна.

Представьте себѣ водяной столбъ, величественно поднимающійся на 120 футовъ вышины и снова опускающійся; точно огромная плакучая ива изъ кристалловъ. Преломляющіеся въ нихъ лучи солнца осыпаютъ всю массу воды какъ бы брильянтами.

Осмотрѣвши Гейзеръ, надобно видѣть огнедышащую Геклу. Слѣдуя берегомъ рѣки пріѣзжаютъ къ церкви Торфастатиръ,—гдѣ находится и селенье, на пригоркѣ виднѣется лѣсокъ. Тутъ настоящая Исландія.

Исландцы очень гостепріимны; путешественника отводятъ въ каморку и, въ иныхъ мѣстахъ, глава семейства подаетъ путнику почетное кресло, съ изображеніемъ Тора и Одина—эмблемы силы и могущества. Только старшій имѣетъ право садиться на него. Подавая это кресло гостю, онъ какъ будто говоритъ: „теперь, ты здѣсь хозяинъ“. Вдоль стѣнъ комнаты тянутся сундуки, гдѣ хранятся богатства хозяина. Какъ только пріѣзжій расположится въ комнатѣ, хозяинъ подаетъ ему отъ сундуковъ ключи.

Всѣ жилища исландцевъ похожи одно на другое; онѣ напоминаютъ собой муравейникъ и даже лѣтомъ пропускаютъ мало свѣта. По большей части вверху устроена отдушина, вмѣсто окна, затянута пузыремъ.

Сельсундъ — послѣдняя станція передъ Геклой. Отдохнувши ночь на этой станціи, отправляются верхомъ на лошади къ вулкану, въ сопровожденіи опытнаго проводника, обвязавши лицо платкомъ. Дорога къ вулкану идетъ огромной песчаной пустыней, по которой сѣверо-западные вѣтры

прорыли глубокія борозды въ родѣ галлерей. Спустившись въ дюны, часто приходится выдержать страшный напоръ песчаного урагана; выбравшись на поляну, защищенную отъ вѣтра, покрытую тощимъ дерномъ, и приближаясь къ рѣчкѣ, трава становится зеленѣе—здѣсь лошади и люди отдыхаютъ, пьютъ и полощутся, омываясь отъ пыли, и наконецъ достигаютъ подножія Геклы; тутъ раскидывается огромный лугъ, пересекаемый рѣкой, воды которой поддерживаются снѣгами, стекающими съ вершинъ вулкана. На горизонтѣ вырѣзываются фестонами профили черныхъ, крутыхъ вулканическихъ горъ и на десять миль виднѣются потоки лавы. У подножія горъ пріютился Сельсундскій боерь. Взглянувъ вверхъ, вы видите передъ собою мрачнаго колосса страны—Геклу — высящуюся изъ окружающихъ ее контрофорсовъ.

Выѣзжаютъ къ вулкану рано утромъ и ѣдутъ известковыми ущельями, за которыми лежатъ такія горы пепла, что лошади уходятъ въ нихъ до половины. Наконецъ достигаютъ пункта, за которымъ уже нельзя ѣхать на лошадяхъ. Тутъ раскидываютъ на плоскогорьѣ палатку и проводятъ ночь, а на другой день поднимаются на гору пѣшкомъ по снѣгу, кучамъ пепла и шляка, въ рукахъ несутъ палки съ желѣзнымъ наконечникомъ, одѣяло, охотничью сумку съ сухарями, ветчиной и бутылку вина.

Послѣ четырехъ часовъ ходьбы достигаютъ вершины вулкана. Иногда вулканъ бываетъ покрытъ такимъ туманомъ, что ничего нельзя разсмотрѣть,—къ туману примѣшивается ѣдкій запахъ сѣрнистаго газа. Часто туманъ превращается въ дождь—затѣмъ небо проясняется, появляется солнце и освѣщаетъ кратеръ Геклы, одинъ изъ самыхъ правильныхъ кратеровъ, когда либо произведенныхъ природою. Конусъ его имѣетъ форму короны; нѣсколько конгломератовъ, какъ бы по волшебству, расположенные почти въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, составляютъ гербы. Цвѣта конусъ темно-зеленаго. Глубокая тишина окружаетъ вулканъ.

Съ Геклы открывается видъ на всю южную часть острова. Передъ глазами путешественника двѣ рѣки катятъ свои изумрудныя воды; тамъ и сямъ мелькаютъ озера; изъ Гейзеровъ и другихъ горячихъ источниковъ поднимаются бѣлые столбы пара, къ югу—зеленоватое море съ вырѣзающимися на немъ фестонами горъ, — а кругомъ, по всѣмъ направленіямъ, ледники; уподобляютъ Исландію громадному зеркалу, въ которое смотрится солнце, прежде чѣмъ покажется остальному міру.

Гекла находится на восточной оконечности группы горъ. Она приобрѣла славу по силѣ и многочисленности своихъ изверженій. Въ лѣтописяхъ Исландіи упоминается о двадцати трехъ изверженіяхъ, бывшихъ въ разные періоды времени отъ 1004 до 1766 года. Одно изъ самыхъ сильныхъ изверженій было въ 1766 году, затѣмъ вулканъ утихъ, такъ продолжалось до 1845 года. Весна наступила ранняя, лѣто сухое, но подземныхъ сотрясеній еще не было, какъ вдругъ разразилось двадцать четвертое изверженіе.

Среди ужасныхъ подземныхъ ударовъ, раздававшихся на 50 миль въ окружности, изъ жерла Геклы поднялся столбъ воспламенившихся газовъ и распространился на всѣ южные округа острова. Густое облако заслонило свѣтъ и посыпался дождь изъ пепла и шल्या, который въ тотъ же вечеръ достигъ острововъ Фарерскихъ, Шетландскихъ и Оркадскихъ.

Ночь этого ужаснаго дня была освѣщена отблескомъ страшнаго пожара.

Ледники, горы, плоскогорье и даже Рейкьяквикскіе фіорды озарялись красноватымъ отблескомъ молній, вылетающихъ изъ дымнаго столба. Каждый взрывъ газа сопровождался страшнымъ ревомъ, выбрасываньемъ града камней, лопавшихся и свиставшихъ какъ бомбы. Наконецъ въ концѣ горы образовалась брешь, изъ которой вытекъ потокъ лавы и медленно покатился внизъ, обертывая въ огненные складки половину горы.

На востокъ отъ Геклы населеніе становится гораздо гуще и жилия мѣста попадаются чаще. Страна становится плодороднѣе и по берегамъ виднѣются длинные фіорды, въ которыхъ жители могутъ добывать себѣ рыбу. Ловится много трески, и одна огромная рыба изъ рода камбалъ.

Съ наступленіемъ лѣтняго времени появляется солнце и приходятъ иностранныя суда. Съ появленіемъ первой звѣзды на небѣ — вѣстницы сѣвернаго сіянія — наступаютъ сѣверныя сіянія, иногда по два бываетъ въ день, и освѣщаютъ небо и море нѣсколько часовъ. На горизонтѣ показывается, какъ бы черное облачко, края его свѣтлѣютъ, изъ темнаго гѣтна появляется огненный столбъ, за нимъ мгновенно поднимается нѣсколько такихъ же столбовъ; они достигаютъ зенита и въ видѣ вѣнца охватываютъ небесный сводъ; изъ вѣнца спускаются свѣтлыя полосы и такъ близко къ землѣ, что кажется можно схватить ихъ рукою. Бѣловатый свѣтъ переливается по небу и по морю.

Ж—ни.

НА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫСТАВКѢ.

Въ московской школѣ живописи и ваянія.

(Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ).

ПОЧТИ постоянно посѣщала выставки, которыя ежегодно бывали въ Москвѣ въ школѣ (на Мясницкой). Онѣ были наполнены большей частію произведеніями русскихъ художниковъ, замѣчательныхъ своимъ талантомъ въ какой нибудь художественной отрасли: живописи, рисованьи акварелью и скульптуры. Въ эти года въ Россіи были замѣчательны по живописи: Тропининъ, Брюловъ, Орловъ, Ивановъ. Скульпторы: Рамазановъ, Ивановъ, Климченко, Степановъ и многіе другіе. На выставку школы, кромѣ произведеній знаменитыхъ художниковъ, выставлялись и ученическія работы изъ болѣе замѣчательныхъ, какъ окончившихъ курсъ учениковъ, такъ и еще продолжавшихъ учиться *). Публика внимательно и съ участіемъ относилась къ произведеніямъ юныхъ художниковъ. Большею частію теперешніе профессора школы были ея учениками. На многіе портреты, пейзажи, группы я засматривалась, казалось я вижу живыя лица, живые предметы. Такъ все и просится вонъ изъ рамъ.

---

*) Впослѣдствіи изъ этихъ учениковъ вышли въ числѣ замѣчательныхъ художниковъ: Худяковъ, Пугаревъ, Васильевъ, Неуревъ, Кабановъ, Перовъ, Шервудъ, Саврасовъ, Давидовъ, Аммонъ, Стрѣлковской, Бочаровъ и много другихъ. Съ поступленіемъ въ школу профессоромъ Зарянко многое измѣнилось Зарянко писалъ только портреты. Въ его портретахъ все было живо. Изъ его учениковъ я помню Новаковского.

Описывать все, что я тамъ видала, здѣсь не мѣсто, но вотъ два выдающіеся случая.

Пріѣзжаю на выставку и только что вошла въ первую залу, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ знакомый и сказалъ: пойдете въ третью залу—тамъ Айвазовскій! Давно молва распространилась объ необыкновенномъ талантѣ Айвазовскаго, говорили, что онъ пишетъ живой воздухъ и живую воду. Я вошла. Картины Айвазовскаго, какъ новинка, были поставлены полукругомъ въ рамахъ и драпированы коленкоромъ. Передъ ними, на разстояніи аршина, была протянута бичевка, чтобы любопытная рука не испортила картинъ. И дѣйствительно на его картинахъ мы впервые увидели настоящій, прозрачный, колеблющійся воздухъ. Это—небо, которое мы видимъ надъ собою; эти—облака настоящія, онѣ несутся по голубому пространству и вотъ, такъ и кажется, что скоро, сейчасъ, соединятся въ тучу и полетѣтъ дождь!.. Глядишь и не вѣришь, что стоишь передъ картиной, а не на открытомъ воздухѣ...

А вотъ и море съ его грозными волнами—слышится, оно бурлитъ... отъ него вѣетъ холодомъ... становится жутко, страшно. А тамъ, вдали по грознымъ волнамъ несется корабль на всѣхъ парусахъ... величественный, покойный и кажется уходитъ въ даль... Смотря на него—приходили на умъ стихи:

Какъ быстро теченье твое
По зыбкимъ волнамъ.
Какъ сладко мечтанье мое
Пока ты видимъ очамъ.

Во все время выставки, публика не отходила отъ картинъ Айвазовскаго. Всѣ стремились къ морю, къ свѣтлому небу, къ прозрачному воздуху,—и казалось впивали въ себя этотъ воздухъ и отдыхали отъ душной комнатной атмосферы. Въ слѣдующій разъ Айвазовскій поставилъ на выставку въ первой залѣ свою огромную картину: Будущее освященіе храма Спасителя *).

Посмотрите, говорили мнѣ, указывая на эту картину, что за прекрасное утро! какъ ярко свѣтитъ солнышко и какъ играетъ въ золотомъ куполѣ храма! но меня занялъ опять воздухъ, это настоящій, прозрачный воздухъ утра, онъ какъ

*) Строится въ Москвѣ.

бы дрожить и общаетъ день знойный. Москва-рѣка какъ зеркало, съ едва замѣтной рябью, отражаетъ яркое солнце и какъ бы играетъ съ нимъ. По рѣкѣ къ храму несутся лодки съ развѣвающимися флагами, переполненные нарядной публикой, у публики и у лодочника праздничный видъ. Народу вездѣ массы, и около храма и на противоположномъ берегу. А вотъ и крестный ходъ. Образа блестятъ золотомъ и драгоценными камнями, и развѣваются хоругви.

Духовенства не сосчитаешь... и право кажется слышишь стройное пѣніе „Спаси Господи“!.. Все такъ живо, все движется... такъ и кажется что глядишь въ огромное окно окруженное золотой рамой,—это не картина, это дѣйствительность... И эту картину писалъ русскій художникъ Айвазовскій!

Болѣзнь и старость приковали меня теперь къ комнатѣ и постелѣ, конечно, я не увижу настоящаго освященія храма, но право не сожалею, я его уже видѣла!..

Сколько помнится, въ 50-мъ году я была поражена на выставкѣ въ другомъ родѣ живыми образами въ картинахъ. На этотъ разъ я была съ братомъ С. И. и ничего не слыхала о новости, которая меня ожидала.

Когда я вошла въ третью залу, первая картинка, небольшого размѣра, писанная масляными красками, невольно остановила мое вниманіе,—это была живая сцена изъ жизни: въ дверяхъ изъ одной комнаты въ другую, стоитъ военный, пожилой господинъ въ густыхъ эполетахъ. Онъ самоувѣренно облокотился на притолку двери и внимательно смотритъ въ слѣдующую комнату, гдѣ происходитъ страшная суета, налѣво купеческіе прикащики устанавливаютъ на столѣ разные закуски: икру, ветчину, вина и пр. Къ столу подбѣжала молодая дѣвушка, разодѣтая въ розовое платье, въ богатыхъ серьгахъ, кольцахъ, распричесанная, размалеванная и капризно что-то жестикулируетъ руками. Позади дѣвушки пожилая женщина, въ повязочкѣ, въ шелковомъ двучичневомъ платьѣ, по отдалѣ нѣсколько сконфуженный купецъ, въ синей тонкой суконной поддевкѣ,—въ нихъ сразу узнаешь мать и отца дѣвушки. Старики видно замѣтили жениха и мать дергаетъ невѣсту за платье, а отецъ торопится застегнуть свою поддевку. Кто бы ни подошелъ къ картинкѣ всякій, улыбаясь, говоритъ: А! женихъ пріѣхалъ!.. Пока я любовалась картиной, подошли двѣ женщины въ повязочкахъ, какъ разъ изъ той среды, какая изображена и на кар-

тинѣ. Вотъ они! наши-то, заговорили онѣ!.. Смотри-ка, смотри! ишь отецъ-то спѣшить застегнуться!.. А дура невѣста-то какъ ломается... ишь дура! Мать-то, мать-то ишь, дергаетъ за платье невѣсту-то, увидала жениха... А женихъ ничего степенный; вонъ аполеты-то густыя! Да нѣтъ, не женится!.. Гдѣ жъ, вѣдь вовсе дура... Можетъ денегъ много, возразала другая!

Вотъ сколько жизненной правды было въ этой картинкѣ! Ко мнѣ подошелъ братъ и позвалъ смотрѣть—басню. Какую басню? но, мы уже стояли передъ другой картинкой, такого же размѣра. А! невольно воскликнула я:

„И рада рада ужъ была,

„Что вышла за калѣку!

Вы видите въ гостинной комнатѣ стоитъ пожилая барышня, набѣлѣна и нарумянена. На лбу взбитыя букли, одѣта скромно, но молодо, платье все въ оборочкахъ. Она стыдливо опустила глазки и протянула правую руку къ господину, который стоитъ передъ нею на одномъ колѣнѣ и подаетъ ей букетъ. Господинъ обращенъ спиной къ публикѣ. На спинѣ у него горбъ, голова какъ бы выросла въ плечи. На лицѣ барышни играетъ довольная улыбка—она приняла предложеніе... Въ полурастворенную дверь выглядываютъ уже очень пожилые родители невѣсты и съ улыбкой радости крестятся... Такъ и написано на ихъ лицахъ: „Ну слава Богу! Наконецъ то!“ Я думаю, нигдѣ и никогда столько разъ не повторялась басня о разборчивой невѣстѣ, какъ передъ этой картиной.

А вотъ, кабинетъ чиновника—кабинетъ убранъ съ комфортомъ, а чиновникъ жуетъ кусокъ чернаго хлѣба, и прячетъ его подъ бумаги при появленіи просителя. Дальше стоитъ вдова блѣдная, она смотритъ безучастно, какъ въ ея квартирѣ хозяйничаетъ полиція, описывая имѣніе ея мужа... Сердце сжимается, взглянувши на эту картину, невольныя слезы навертываются на глаза. Кромѣ множества прекрасныхъ картинъ, на этой выставкѣ былъ альбомъ съ рисунками, набросками, этюдами, все живо, жизненно и все съ натуры.

Но кто же онъ, тотъ неподражаемый художникъ, передъ картинами котораго останавливается толпа? — Это пріѣзжій изъ П—га, Павелъ Андреевичъ Федотовъ. Москвичи впервые увидали его произведенія и вполне оцѣнили худож-

ника. Только и было толковъ на этой выставкѣ, что о его картинахъ; только и смотрѣли почти однѣ его картины, переходя отъ одной къ другой по нѣскольку разъ. Въ первые дни выставки другія картины какъ бы не существовали для публики. Многие знатоки говорили, что современемъ Павелъ Андреевичъ превзойдетъ и Давида Вильки. Самъ Федотовъ писалъ къ друзьямъ изъ Москвы: „Мои картины здѣсь производятъ фуроръ. Новымъ знакомствамъ и самымъ теплымъ бесѣдамъ нѣтъ конца. Но никто не зналъ, что Федотовъ пріѣхалъ въ Москву не затѣмъ только, чтобы показать свои картины, онъ пріѣхалъ навѣстить старика своего отца и сестеръ, всю семью онъ любилъ страстно. Въ Москвѣ Павелъ Андреевичъ нашелъ домикъ ихъ проданнымъ за долги и, хотя онъ отдавалъ семейству все, что заработывалъ, оставляя себѣ самую ничтожную часть; но и этого было недостаточно, и семья нуждалась страшно, а съ продажей дома и вовсе обѣднѣла. Положение родныхъ поразило Павла Андреевича и онъ рѣшилъ во что бы то ни стало обезпечить ихъ. По возвращеніи въ Петербургъ онъ принялся дѣлать копіи съ своихъ картинъ, копіи раскупались съ жадностію. Но, чего стоило такому художнику сидѣть за копіями, когда онъ былъ полонъ плановъ для другихъ болѣе замѣчательныхъ картинъ! А затѣмъ онъ копировалъ, скажутъ?—Затѣмъ, чтобы больше и скорѣе заработать денегъ, не тратить ихъ на расходы натурщикамъ и на разные предметы, необходимые для другихъ картинъ. Такъ онъ проработалъ года полтора; стремленіе производить новое и необходимость копировать изъ-за денегъ измучили несчастнаго художника и онъ очутился въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, гдѣ и скончался 1852 года 14-го ноября.

Всѣ горевали о Павлѣ Андреевичѣ и никто не догадался во время спасти отъ нужды его бѣднаго отца и тѣмъ сохранить жизнь нашего даровитаго художника! Покойный Рамазановъ, говоря о преждевременномъ концѣ своихъ со братьевъ-художниковъ, всегда цитировалъ изъ Жуковского:

„Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: были“.

Вотъ то небольшое, что знаю о Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ. Родился онъ въ Москвѣ въ 1815 году отъ небогатыхъ родителей. Отецъ его былъ человѣкъ крайней честности—воишъ Екатерининскихъ временъ. Павелъ Андреевичъ былъ отданъ

въ московскій кадетскій корпусъ, гдѣ пріобрѣлъ всеобщую любовь какъ наставниковъ и начальства, такъ и товарищей. На него было обращено всеобщее вниманіе какъ за успѣхи въ наукахъ, такъ и за искусство съ какимъ онъ рисовалъ портреты съ своихъ учителей и товарищей. Любимой наукой его была математика. Восемнадцати лѣтъ Федотовъ за отличіе поступилъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ прапорщикомъ. Его сразу полюбили всѣ товарищи. Будучи исполнительнымъ, отличнымъ офицеромъ по службѣ, онъ не только что продолжалъ заниматься рисованьемъ, но по вечерамъ ходилъ въ академію художествъ и съ рѣдкимъ терпѣніемъ рисовалъ тамъ головы, руки, ноги и пр. Въ Павлѣ Андреевичѣ признали талантъ, это поощрило его и онъ не смотря на блестящую будущность въ полку, выходитъ въ отставку съ мундиромъ и чиномъ капитана, становится настоящимъ художникомъ и весь отдается своему призванію. Никакія лишенія, никакая нужда на первыхъ порахъ не остановили его. Онъ шелъ твердо, безъ отдыха по избранному пути. Первое пособіе изъ академіи, за его прилежаніе, первыя деньги за свои картины онъ дѣлилъ на двѣ части, большую отсылалъ отцу, а себѣ оставлялъ крохи и нуждался постоянно. Онъ работалъ не только что ежедневно, но, можно сказать, ежечасно, но несмотря на это, вполне увѣрился въ своихъ способностяхъ—только познакомившись съ К. П. Брюловымъ. Брюловъ ободрилъ его, хвалилъ его картины и съ его совѣта въ 48 году далъ ихъ на выставку въ академію, гдѣ онѣ произвели общій восторгъ. Это вознаградило Павла Андреевича за всѣ труды. Онъ понялъ, что извѣстность его упрочена, что отъ него самого зависитъ развитъ свой талантъ до возможной высоты и стать на ряду съ извѣстными художниками. Онъ съ жаромъ принялся за свое дѣло; успѣхи были громадны, надежды безконечны.

И вотъ роковое событіе въ семьѣ, роковая поѣздка въ Москву отняли у Россіи ея славу въ лицѣ даровитаго художника, а у отца—любящаго добраго сына.

По кончинѣ Павла Андреевича, другъ его и почитатель, А. Дружининъ, писалъ о немъ и печаталъ въ 1853 году, статью подъ названіемъ „Воспоминанія о русскомъ художникѣ Павлѣ Андреевичѣ Федотовѣ“.

Т. Астракова.